

ного централизованного государства подразумевал законодательное закрепление принадлежности имущества, слуг, денег [Трофимович, 2003, с.132].

Локативный тип предметных наименований также зафиксирован среди выявленных единиц. В данном случае предмет получил свое название в зависимости от места расположения, нахождения, пребывания, работы, службы [там же, с.136]. Зафиксировано 16 наименований.

К этому типу относятся грамоты, регулирующие деятельность государственных органов, мест: *вмѣстная грамота – грамота, относящаяся к общим, местническим делам (1646 г.)* [СРЯ, 2, с.233]; *губная грамота – грамота верховной власти, определяющая в XVI – XVII вв. организацию и компетенцию органов самоуправления в уезде (губе) (1542 г.)* [СРЯ, 4, с.153].

Такие грамоты могли отражать назначение на место, и назывались они по названию этого места: *настольная грамота – документ о назначении на высокую церковную должность (митрополита, епископа, игумена и т.п.; в к. XVII в. – также протопопа, келаря) от настояте – епископская кафедра, должность епископа XI в.* [СРЯ, 10, с.269-270].

Среди проанализированных грамот выявляются следующие типы предметных наименований: акциональный, объектный, посессивный, локативный. Наиболее многочисленным среди них является акциональный тип, т.к. обозначение действия было очень важно для человека. В данных наименованиях нашли отражение различные явления общественной жизни. Все они требовали законодательного закрепления, поэтому и были зафиксированы на бумаге.

О.В. Зуева (Минск)

## К ПРОБЛЕМЕ РЕГИСТРОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

Место эпистолярных текстов в жанрово-стилистической системе древнерусского языка до настоящего времени остается неопределенным. В известных моделях книжных и некнижных жанров – С.И. Коткова [Котков, 1970, с.44], Н.И. Толстого [Толстой, 1988, с.69] и др. – упоминаются отдельные виды посланий, однако без учета их тематического и лингвостилистического разнообразия. Необходимость установить языковые особенности произведений эпистолярного жанра и обозначить место последних в системе средневековой письменности определили актуальность исследования.

В современной исторической стилистике общепризнанной является разработанная в исследованиях М.Л. Ремневой, В.М. Живова, Б.А. Успенского концепция регистровой стратификации русского языка донационального периода [Ремнева, 1982; Живов, 1988; Успенский, 1995], согласно которой функциональное соотношение в тексте книжных и некнижных – генетически церковно- и восточнославянских – разноуровневых языковых единиц конституирует один из стандартов языкового употребления, или регистр, отражающий речевые навыки автора. Данный подход антропоцентричен; по словам

Б.А. Успенского, «книжный и некнижный языки объединялись в языковом сознании, выступая как взаимодополняющие регистры единой коммуникативной системы» [Успенский, 1995, с.89]. Наличие у текста ряда формальных морфолого-синтаксических признаков позволяет рассматривать его как представляющий один из четырех регистров: стандартный церковнославянский (1); гибридный церковнославянский (2); деловой (3) и бытовой (4).

Различение регистров во многом поддерживается жанровой дифференциацией памятников. Политематичность писем обусловила широкое стилистическое варьирование используемых в них языковых средств, поэтому образцы эпистолярного жанра представлены среди текстов всех регистров письменности, например: (1) – официальные духовные послания, (2) – частные духовные и официальные служебные (агитационные) послания, (3) – официальные служебные (распорядительные), (4) – частные бытовые, деловые, фатические письма. Список не исчерпывает разнообразия видов посланий [Зуева, 2008].

Возможность использования в письмах любых лингвостилистических ресурсов есть основное панхроничное свойство эпистолярного типа текста, предопределившее отсутствие эпистолярного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка. Памятники, характеризующиеся единством жанровой формы, отражают различные способы ее языкового наполнения.

Наблюдения над функционированием языковых грамматических средств в письмах XI-XIV вв. показывают, что язык даже одного вида текстов (например, частных бытовых, официальных служебных посланий) стилистически дифференцирован. Выбирая фрагменты, содержательно тождественные или однотипные (т.е. исключая обусловленность использования языковых средств предметом речи), обнаруживаем, что главным фактором дифференциации является социокультурный статус адресанта. К примеру, частные бытовые письма традиционно создаются на некнижной разновидности языка, к грамматическим признакам которой относятся (текстовые фрагменты извлечены из берестяных грамот [Зализняк, 2004], приводятся в упрощенной орфографии): 1. уровень языковых ресурсов: форма *л*-причастия в значении претерита (*я дала тебе а нежате не дала*, № 644, 1110-1120 гг.; *я запла- тиль 20 гривъ*, № 421, 1120-1130 гг.), причастия на *-учи/-ачи* (*хотяци ся не- цѣтися* – ‘хотя бы не считайся’, *неюци едоуц(и)* ‘получая прокорм’, № 227, 1160-90 гг. (здесь и далее перевод А.А. Зализняка)), некнижные средства связи (*[а]же то [н]амъ взяле еси павъловъ (а) [н]а прокопѣ възати а възале ли еси а в[ъзъ]ми*, ‘Если ты взял Павловы проценты, то [нужно] взять у Прокопья. Если же ты [уже] взял, то возьми ...’, № 736, 1110-1130 гг.) и др.; 2. уровень организации текста – явления разговорной и деловой речи: инверсия – вынесение темы в начало сообщения (*а что рубль дати игнату и ты даи*, к. XIV в.), эллипсис (*и ты до углеца и ту пакъ дружина*, ‘Так что ты [посылай] до Углича, и как раз туда [едет] дружина’, к. XIII в.), бессоюзные высказыва-

ния с подчинительными смысловыми отношениями между частями (*если за  
той строкъ колико ти годно правъ ти есть, 'доверяй своему отроку  
забирать сколько угодно [денег]: он прав'*, № 819, 1170-80 гг.), повтор при-  
чинительных союзов и предлогов (*а ныне мя съ томъ яла кнѣгынѣ а ны-  
нѣ ся дружина по мя поручила а ныне ка посылѣ...*, № 109, к. XI – нач. XII вв.;  
*а максима оу ключника*, № 354, 1340-70 гг.) и др.

Бытовые письма лиц духовного сана наряду с разговорными элемен-  
тами содержат варьируемые количественно книжные языковые средства. На-  
пример, текст послания монаха Ефрема духовному брату Исухии, в котором  
абсолютно преобладают не книжные черты, содержит слова с церковносла-  
вянским и древнерусским префиксами *рас-* и *роз-*, формы аориста и импер-  
фекта наряду с л-причастиями: *не распрашавъ розгневася мене игоумене не  
ушлите а я прашался <...> а соромя ми оже ми лихо мѣвляше* (№ 605, до  
1120-х гг.). Язык частных писем митр. Киприана, поздний древнерусский пе-  
риод, 1378 г. [Прохоров, 1978, с.195-202], относится к книжному регистру  
сниженной нормы. В нем представлены: сложная система времен (*приехал  
я въ Любутеск, господь... учаше их, писася си грамота*), книжные формы  
распространительных и причастий (*лжжеаго, святѣя Богородица; [слово господне]  
сказующее, ходѣи въ заповѣдехъ господних* – отметим влияние контекста на  
стиль речи), книжные средства синтаксической связи (*Аще ли кто не послу-  
шаетъ...; Иду же, якоже...; Веси бо...*) и др. К народно-разговорным разно-  
родным языковым явлениям относятся употребление л-причастия (*мне не  
стѣлось...*), местоимения *яз*, целевого союза *дати* в этикетной формуле  
привыка писать; в тексте присутствуют фрагменты с повтором предлогов и  
подчинительным союзом *а*.

Аналогичная обусловленность выбора языковых средств не типом  
письма, а «фактором адресанта» отражена в официальных служебных посла-  
ниях. Деловое содержание предопределяет использование пишущими  
средств делового языка, и примеры таких текстов представлены среди эпи-  
столярных памятников XV-XVII вв. От посланий древнерусского периода  
сохранились только тексты, написанные от имен церковных лиц на книжном  
языке (регистр – церковнославянский строгой и сниженной нормы). Напри-  
мер, язык переводного информирующего послания патриарха Константино-  
польского Луки князю Андрею Боголюбскому, посвященного поставлению епи-  
скопа, 1160 г., представляет книжный регистр строгой нормы. В тексте по-  
стоятельно используются славянские формы на всех уровнях языка вне  
зависимости от контекста: и в устойчивых эпистолярных формулах, отра-  
жающих духовный сан адресанта, и в рекомендательных высказываниях, ре-  
комендующих сферу христианского быта, например: *Благодать Господа на-  
ша да будетъ съ благородіемъ твоимъ, аминь; ...но аще и снѣдь сыра, и  
хлебъ и крѣваго и мяса отметаемя, стыденіемъ апостольскаго правила, но  
и древяное и другая, къ симъ и рыбы приемиемъ* [РИБ 1908, стб. 74].  
Основная не книжная языковая единица – союз *ожели* (при 21 употреб-

лении союза *аще (ли)*), возможно, отсутствовавший в протографе: *... да не забывается, ажели то твоє благородіє будетъ въ помѣ гріѣхъ*. Данное послание характеризуется стилистическим единством с памятниками церковного права (ср., например, Вопросание Кириково, 1130-56 гг.), и то время как тематически принадлежит к служебной деловой переписке.

Таким образом, в эпистолярном тексте XI-XIV вв. отражается частая (и прозрачная для исследователя) интерференция авторских «речевых навыков» — естественного и книжного [Живов, 1996, с. 30]. Этот признак характеризует только переписку образованных людей, так как лишь их коммуникативные навыки дифференцированы. Данное явление также представлено в старорусских посланиях. Вместе с тем зависимость стилистики письма от социокультурного статуса адресанта или адресата не является регулярной (см. служебные послания Иосифа Волоцкого, арх. Геннадия, патр. Филарета), и поэтому рассматривать параметр языковой личности как системообразующий при классификации типов эпистолярных памятников и их регистровом распределении нельзя. Влияние данного параметра, напротив, нарушает системность в жанрово-стилистической типологии писем и обуславливает отсутствие абсолютной корреляции между ней и распределением писем по языковым регистрам.

И.Г. Красковская (Гродно)

### МНОЖЕСТВЕННОЕ «ГЕНЕРАЛИЗУЮЩЕЕ» ИМЁН СОБСТВЕННЫХ: СОЧЕТАЕМОСТЬ И СЕМАНТИКА ФОРМ

Известно, что имена собственные (ИС) служат для индивидуализации предмета; их грамматической особенностью является то, что они обычно употребляются в форме какого-то одного числа — единственного или множественного (*Кавказ, Афины*). В последнее время в публицистике и художественной литературе чрезвычайно популярны «переносные» употребления собственных наименований. Это может быть как метонимическое употребление (*Пётр Семенович никогда не владел такими средствами, чтобы приобрести сразу несколько Шагалов*), так и метафорическое. К показателям «метафоричности», например, относят определение, несовместимое с «прямым» пониманием имени (*белорусский Монмартр, теннисный Леонардо Ди Каприо*), множественное число ИС (*В каждой сфере деятельности есть свои Моцарты*) и др. Использование ИС в переносном значении создаёт необходимую в языке компрессию смысла — «увеличение или сохранение объёма передаваемой информации при экономии материальной формы выражения» [Чекалина, 1991, с.117]. ИС здесь проникаются «вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных» [Отин, 2004, с. 5].

Следовательно, образование формы множественного числа ИС от формы единственного не может быть отражением оппозиции «один-много», а